

ПРОФЕССОР ИВАН ИВАНОВИЧ ПУЗАНОВ
(воспоминания об отце старшего сына профессора)

Пузанов Б. И.

Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова
Шампанский пер., 2, г. Одесса, 65058, Украина

Своего отца я помню с 4-х летнего возраста. В 1923 г. мы жили в Ялте. Папа работал на парусных рыболовецких шхунах, которые привозили голодающему населению города мелкую черноморскую рыбешку — хамсу. Она служила им единственным источником пропитания в трудные годы конца гражданской войны.

Мой отец был очень энергичным и предприимчивым человеком, благодаря чему наша небольшая семья в трудные годы становления Советской власти была обеспечена всем необходимым. У папы был собственный велосипед (по тем временам роскошь большая, чем теперь персональная “Волга”), который много лет служил ему основным средством передвижения.

Велосипед был оборудован двумя багажниками, на которых круглый год, в любую погоду перевозилось все необходимое для благополучия нашей семьи. Ездил и я на нем в качестве пассажира в однодневные загородные прогулки.

У отца были умелые руки, хорошо владевшие столярным и слесарными инструментами. Он успешно справлялся со всякого рода ремонтными и строительными работами домашнего обихода. В совершенстве владел квалификацией печника, хорошо ремонтировал мебель, самостоятельно изготавливал несложные шкафчики, скамейки и книжные полки для своей библиотеки. Изготавливал из жести различные совки для угля и мусора, фонари, керосиновые светильники и другие дефицитные, в те времена, предметы домашнего обихода. Самостоятельно заготавливал и разделявал уголь и дрова. Всем этим отец занимался охотно, с увлечением, но не ради экономии средств, а для собственного физического развития, столь необходимого для человека умственного труда. Папа никогда не прерывал свои утренние и вечерние гимнастические упражнения с тяжелыми гантелями, двухпудовыми гирями, стальной штангой и специальным прибором для развития кистей рук. В моем детском представлении отец был самым большим и сильным человеком.

С раннего детства папа обращал внимание на мое физическое развитие. Например, летом, в Симеизе, сбросил меня с камня в море на глубоком месте, тем самым заставив меня быстро выучиться плавать. Сам он до конца жизни был отличным пловцом и ныряльщиком.

Отец был настоящим охотником и в свободное время любил упражняться в стрельбе из различного стрелкового оружия. Меня он выучил метко стрелять еще в дошкольном возрасте из мелкокалиберного ружья и пистолета, а затем и из настоящего охотничьего ружья. Ножи и кинжалы отец коллекционировал, привозя из заморских стран, кавказских республик, а так же делал сам из кусков стали и трофейного оружия. Самый большой охотничий кинжал был им изготовлен из австрийского штыка. Ручка его была сделана из оленьего рога, а ножны из твердого дерева, обтянутого козловой кожей. Я помогал отцу заряжать патроны, отливать дробь и пули для нижнего винтовочного ствола его знаменитого трехствольного ружья.

Он с малых лет приучал меня к горным походам, что мне не очень нравилось, т. к. делать крутые подъемы с рюкзаком за плечами в летнюю жару мне всегда было трудно, а вот греблю тяжелыми морскими веслами на рыбацких лодках я всегда любил и с нетерпением ждал удачного случая покататься с отцом в громоздком баркасе. Прогулочных лодок в те времена не было.

В Симферополе у нас был свой участок земли, который мы с отцом весной вскапывали, разделяли грядки и сажали необходимые овощи, которые были хорошим подспорьем нашим домашним хозяйкам — маме и бабушке.

Папа всегда хорошо рисовал и помимо иллюстраций своих научных трудов охотно изображал на бумаге различные события семейного и служебного характера.

Например, в 20-е годы в Ялте я с мамой пошел на базар и, страшно испугавшись висющую тушу свежесобранного барана, расплакался и убежал. Это событие отец нарисовал в нескольких карикатурах. Позднее в Симферополе, таким же образом, было нарисовано мое фантастическое путешествие в Африку на воздушном шаре с соседской девушкой Зиной и ее собакой Гаем.

Папа рисовал карикатуры на своих ближайших сослуживцев, соседей, на меня с мамой и на самого себя. Все персонажи были поразительно похожи и изображены в забавных ситуациях. Одна карикатура на нашего соседа по симферопольской квартире привела к бурной и длительной ссоре. Карикатура на соседа была передана моим отцом маленькому сыну соседа, который молча отнес ее домой. Через несколько минут к нам ворвался взбешенный сосед и в исступлении кричал, что это оскорбление, которое он потерпеть не может.

В трудные годы гражданской войны негде было купить игрушки для детей. Папа в день моего рождения нарисовал мне цветными карандашами на куске картоне рычащего льва, который долго хранился у меня. В последующие годы НЭПа папа собственноручно делал мне отличные плавающие модели парусников и пароходов. Корпус самого большого парохода, подаренного мне примерно в году 1925, хранится у меня до сих пор.

Мой отец очень любил ритуал рождественской елки, сам покупал или заготавливал в лесу дерево очень больших размеров (под потолок). Мастерил подсвечники, игрушки и со вкусом украшал ее. Для праздника он изготавливал маски различных животных, хлопушки, бенгальские огни.

Сам принимал активное участие в праздничных представлениях. Мама с соседкой ставила несложные детские спектакли и теневые картины, техническое оформление которых, декорации, светотехника и шумовое сопровождение выполнял папа.

Зимой наш отец любил удивлять чудесами электричества. У него была разбитая и поломанная электрофорная машина, которую он самостоятельно починил, собственноручно изготавливая недостающие и разбитые детали. После сборки она стала вырабатывать статическое электричество, с треском пролетающие в искровом промежутке заряды, озонируя воздух, и скапливающееся в лейденских банках (конденсаторах) собственного производства. Приглашенных детей ставили цепочкой, а затем, через них, взявшихся за руки, папа пропускал заряд электричества, накопленный в лейденских банках.

Отец был великолепным фотографом. Его снимки отражали не только семейную хронику, но и служили отличными иллюстрациями его многочисленных научных работ, исследований и книг. Он в совершенстве владел всеми процессами фотографии, начиная от специальных микро- и макросъемок, репродукций, до высокохудожественных видовых и портретных работ, большинство которых увеличивалось увеличителем его собственной конструкции.

Я с 10-ти летнего возраста начал осваивать это искусство под руководством отца, благодаря которому рано научился хорошо фотографировать.

Влияние отца на меня было огромно, я еще до школы знал зоологию, географию и астрономию. Последняя наука всегда увлекала отца, он имел собственный телескоп, через который были хорошо видны Луна и основные планеты Солнечной системы.

В Симеизе отец был в близких отношениях с главнейшими астрономами Симеизской и Пулковской обсерватории. Летними вечерами мы часто ходили к ним в гости. На наших глазах был выстроен самый крупный в то время телескоп-рефлектор в Союзе.

В те годы мне посчастливилось познакомиться с крупными учеными, бывшими близкими друзьями отца. Это: академик Щербаков, проф. Лункевич, астрономы Неуймен — директор Симеизской, а затем Пулковской обсерватории, Альбицкий В. А., Шаин Г. А. — лауреат государственной премии, профессора Никитин В. Н, Скворцов, Вульф, поэт Г. Шенгели. Все эти люди бывали у нас дома и мы часто навещали их, и это не просто перечень фамилий знаменитых ученых, это близкие знакомые, которые и мне уделяли внимание, нянчили на руках, дарили подарки. Например, В. Лункевич подарил мне свое собрание сочинений в виде популярных брошюр на различные темы о живой и мертвой природе. С сыном Неуймена я увлекался постройкой моделей судов и поддерживали знакомство до конца его жизни.

Неизгладимое впечатление на меня оставило посещение и жизнь в Крымском государственном заповеднике, где *отец до войны работал по совместительству*. Там он меня познакомил с лесной и горной природой, научил горным походам, познакомил с животным и растительным миром дремучих лесов и высоких гор. Жили мы в цитадели, бывшем царском охотничьем домике и в домике объездчика, где вдвоем вели натуральное хозяйство.

Надо сказать, что отец заметил мой интерес к технике и насильственно не стремился привить любовь к естественным наукам. Одобрял мое увлечение радио и оказывал помощь, принося домой кусочки цинка, пробирки и химикаты для изготовления гальванических батареек — источников питания лампового радиоприемника мною изготовленного. Папа научил меня паять оловом. Однако наше радиосодружество закончилось, как только звучание радиопередач вышло за пределы наушников и стало хорошо слышно через репродуктор, акустика которого была далека от совершенства, и мешала его ежедневным занятиям. Стараясь отвлечь меня от этого громкоговорящего увлечения, отец купил мне велосипед. Все эти увлечения мешали не только папиным занятиям, но и моей учебе в школе, что не радовало родителей. Он в шутку называли меня “радиотом”, или говорили, что у них два сына: один умный, другой велосипедист.

Тяжелые тридцатые годы разрушили наш хорошо обжитый домашний очаг. Начались переезды. Сначала в Батуми, затем в Горький, где квартирная и материальная неустроенность нарушили привычный уклад жизни, с ее хорошими семейными традициями. С отцом я стал общаться мало, да и наши интересы совсем разошлись. Стал подрастать младший брат, которому отец уделял больше внимания в короткие часы досуга занятого человека. Затем меня призвали в армию задолго до начала Великой Отечественной войны, с которой я вернулся через 9 лет, перед самым отъездом родителей в Одессу. Мой приезд был очень кстати, так как я активно помогал собираться.

Брат дома уже не жил, так как остался служить в армии кадровым офицером. Приехав в Одессу, я помог родителям устроиться на новом месте, а сам пошел на работу в торговый флот. Отцу нравилась профессия моряка. Он ходил со мной в рейсы, живя в моей каюте. Мы посещали Белгород-Днестровский, Херсон, Измаил, где он раньше никогда не был, и знакомились с их достопримечательностями.

В Одессе папа быстро сошелся с окружающими его людьми, стал бывать у них и приглашать к себе в гости. Так, например, Академик Владимир Петрович Филатов оказался нашим дальним родственником. Он не только приглашал нас к себе, но и охотно приезжал к нам. Он оказался приятным собеседником, как человек широкого кругозора.

Переездом в Одессу отец был очень доволен, так как Одесса сочетала в себе все преимущества большого курортного приморского города и культурного центра, интересного для зоологов, ихтиологов его окрестностями. Он совершал длинные загородные прогулки со студентами или просто знакомыми.

С родителями я жил около двух лет, затем женился, родился сын, и мой папа стал дедушкой. Он с удовольствием слушал новые слова и словообразования маленького внука, которому он стал посвящать свободное время. Появились рисунки, которые отражали подлинные происшествия. Стрелковые упражнения проводились из духового ружья. Рассматривая картинки, знакомились с животным миром, а по большому атласу и глобусу изучали географию. В большую подзорную трубу наблюдали небесные светила. Во время летнего отпуска в Крыму внук всегда жил в комнате с дедушкой. Они совершали ежедневные послеобеденные прогулки по окрестностям Симеиза, и более длительные прогулки на катере, посещая достопримечательные места южного берега Крыма. Были и многодневные поездки на автомобиле на Карадаг и Коктебель, в дом-музей Волошина. Отец познакомил нас с вдовой поэта и художника Максимилиана Волошина. Своеобразная красота малопосещаемой местности Восточного Крыма, необыкновенная красота закрытой бухты карадагской биостанции, где мы купались и ночевали в гостевых домиках у подножья горы Кара-Дат, которая навсегда связана с памятью моего отца.

АЛЁХИНЫ *Пузанов И. И.*

Понятно, почему из всех родственников Алёхины были нам ближе всех: ведь это была семья моей матери, жившая в том же доме, где она выросла и хранившая еще много дедовских традиций. С другой стороны, семья моего деда с отцовской стороны давно распалась. Но и помимо этого, нашу семью соединяли с Алёхинской сходный уровень культуры и близость интересов. Конечно, дяди Аркадий и Алексей (братья матери Ивана Ивановича, известные “толстовцы”) были ближе дяди Михаила и тетки Пелагии Пузановых не только моей матери, но даже отцу... Поэтому и получилось, что дом Алёхиных, где я стал бывать по несколько раз в неделю, постепенно сделался для меня как бы родным домом, где я знал каждый закоулок.

Это был большой, двухэтажный дом на Пастуховской улице, верхний этаж которого и занимала квартира хозяев, а нижний — различные службы, а в последнее время — три небольшие комнатки дяди Аркаши. К дому примыкали два двора, разделенные забором: один — чистый, другой — скорняжный, на который выходили мастерские скорняков и меховщиков, работавших при магазине Алёхиных. За дворами следовал большой тенистый сад, прорезанный посередине аллеей конских каштанов и кленов. Аллея упиралась в “беседку” — небольшое строение в виде изящного павильона с балконом, в котором свободно можно было жить не только летом, но и зимой. Сад изобилует фруктовыми деревьями, особенно же шпалерами ягодных культур: крыжовника, малины, смородины. Конечно, были в саду гимнастика, качели и гигантские шаги и площадка для крокета, которым особенно увлекались дети Алёхиных.

Что касается дома, то это был настоящий барский дом, выстроенный и обставленный с большим комфортом и даже роскошью. Роскошной была широкая парадная лестница, которая так и просилась на инсценировку последней сцены из “Горе от ума”, еще более роскошный зал со своими стенами, отделанными под полированный мрамор. Ряд массивных квадратных колон, выложенных зеркалами, отделял от зала небольшой “зимний сад” с множеством фикусов, пальм, филодендронов и других экзотов... Примыкавшая к залу гостиная с ее богатыми коврами и масляными портретами в золотых рамах была обставлена с большой роскошью и вкусом. Большая светлая столовая была оклеена дорогими обоями “под дуб”, причем в простенках между окнами были наклеены художественно исполненные медальоны в стиле фламандской *Nature morte* с изображением связок убитой дичи, овощей, фруктов и иных вкусных вещей. Первенец семьи и единственный сын Вася, сколько я помню, всегда имел свой отдельный кабинет, в то время как многочисленные сестры размещались в трех детских, из которой в большой была устроена комнатная гимнастика в виде трапеций, лестниц и канатов для влезания. Хозяин дома, дядя Василий Васильевич, помещался в большом светлом кабинете, пол которого был устлан дорогими мехами, а одна стена была сплошь занята книжными полками его богатой и разнообразной библиотеки. Книги этой библиотеки были заштампованы крайне интересовавшей меня медной печатью, выбивавшей на бумаге выпуклые буквы.

Дядя Вася, как я уже говорил, не получил высшего образования, но много читал и мог считаться довольно образованным, развитым человеком. Это был высокий, плотный субъект, с апоплексической шеей и “Алехинской” лысиной во всю голову. Глаза имел серые, остатки волос, коротко подстриженные усы и наполеоновскую бородку — шатеновые с проседью. Он отличался большой уравновешенностью, даже флегмой характера и говорил отрывистыми фразами. Никакими специальными интересами и талантами он не отличался, но был деятельным членом общества любителей драматического искусства. Ко мне он относился с большой ласковостью и приветливостью, и я любил его. Дядя Вася был женат на своей двоюродной сестре, Анне Васильевне Вязьмитиновой, которую родители ее поколения называли “Анеточкой”. Это была коренастая, довольно эффектная в молодости брюнетка с роскошными до пят косами, которые она даже в зрелые годы еле умещала на голове. У нее была некоторая склонность к тучности, которую она лечила оригинальным видом хозяйственно полезного моциона: утром, в капоте, она натирала паркет залы каким-то тяжелым чугунным приспособлением на палке. Характер она имела властный и несколько сварливый, и дом держала в строгости. Я ее побаивался и называл “на Вы”. Полагалось величать ее тетя Веня, но я предпочитал адресоваться анонимно. Насколько я могу судить, тетя Анеточка — почти выросшая в семье старых Алехиных, была очень дружна с моей матерью и часто бывала у нас.

Супруги Алехины поддерживали традицию многочадия своих родителей, но несколько односторонне: всех детей у них было 7, из них только один мальчик. Старшей среди детей была Аня — серьезная, довольно миловидная брюнетка, которую только портил несколько толстый нос, в чем она напоминала свою тетку Варвару Васильевну. В описываемое мною время она уже была барышней и жила в отдельной комнате, превращенной из обыкновенной “детской” в изящную, отделанную голубым кретоном “комнату невесты”. Аня была очень рассудительна, выдержана, много читала и относилась с большой любовью и уважением к моей матери, которая тоже была к ней не равнодушна. Я уже говорил о том, что шестнадцатилетней барышней Аня как-то провела у нас в Щекинке почти все лето. Окончив с отличием казенную Мариинскую гимназию, Аня поступила на Петербургские Высшие Женские Курсы, по специальности история и филология. Я хорошо помню и подруг Ани, танцевавших на Наумовских и Алехинских ёлках в своей изящной серой с черными передниками форме.

Конечно, я больше всего дружил со своим кузеном Васей. Это был высокий, несколько болезненный подросток, брюнет с правильными чертами лица, очень похожий на своего родителя. Как и большинство Алехиных, он отличался хорошими способностями усидчивостью, почему не в пример мне, всегда шел в гимназии первым учеником. Он был очень благонравен, послушен, выдержан, хотя ум имел пытливый и насмешливый. К сожалению, он был в значительной мере жертвой чрезмерно обостренной любви своих родителей, особенно матери, которая воспитывала его в стиле тепличного растения, до крайности изнежив этим его далеко не крепкий организм. Каждый шаг его жизни регламентировался предписаниями знаменитого в Курске доктора Юматова — единственного, которому доверяла тетя Анеточка. Так, ему почему-то не разрешалось есть котлеты, как таковые, а обязательно с ободранной коркой, отчего они, естественно, теряли весь свой вкус. При сколько-нибудь холодной погоде Вася не выходил на улицу, и почти весь год, за исключением самых жарких месяцев, должен был носить пальто. Под предлогом слабости здоровья, родители выхлопотали ему освобождение от посещений богослужений гимназической церкви. Но вместе с тем, в известных отношениях они проявляли в отношении его физического воспитания больше заботливости, чем мои родители — вернее, моя мать. Я уже говорил о комнатной гимнастике, повешенной в детской; говорил о том, что одно время у Васи была собственная лошадка — пони, на которой он приезжал к нам на дачу. Между тем, моя мать приходила в ужас всякий раз, когда отец затрагивал тему о том, что хочет научить меня верховой езде. Наконец, зимой на большом дворе Алехиных устраивался для детей каток, на который ходил иногда и я. Помню, что когда я однажды пришел с этого катка, раскрасневшись, к обеду, мать стала меня выговаривать за то, что я не берегу свое здоровье и что если я буду так разгорячаться на катке, она перестанет меня туда пускать.

По возрасту за Васей следовала Маруся — полная блондинка с голубыми глазами, в детстве очень капризная, девицей застенчивая, несколько заика. Этот последний недостаток, в меньшей степени проявившийся и у младших дочерей, родственники приписывали тому, что дядя Вася женился на своей двоюродной сестре, следовательно, выражаясь генетически, толковали заикание Маруси как результат inbreeding. За Марусей шла Наташа — моя ровесница, хорошенькая брюнетка невысокого роста. Подходя друг к другу по возрасту, мы были очень дружны с ней, и она приезжала гостить к нам на дачу. И Маруся, и Наташа почему-то учились не в курских гимназиях, как остальные сестры, а в харьковском институте благородных девиц, откуда они в описываемое время приезжали лишь на каникулы. Дальше шла неразрывная пара почти однолеток, пара, которую так и называли: Соня-Валя. Но как они были различны по внешности и темпераменту! Соня — флегматичная пухлая шатенка с носом уточкой; Валя — бойкая разбитная брюнетка с открытыми карими глазами, очень похожая на дядю Аркашу в детстве, не даром она была его любимицей! Младшей в семье была Витя — очень хорошенькая брюнетка с бархатными карими глазами, любимица всей семьи. В описываемое мною время она была совсем маленькая и еще не училась. Соня и Валя учились в частной гимназии Красовской, воспитанницы которой в отличие от казенной гимназии, носили темно-красную форму.

Придя к Алёхиным я, конечно, большую часть времени проводил в комнате у Васи, откуда мы иногда предпринимали экскурсии в детскую, чтобы подразнить девочек или покататься на трапедии. Кабинет Васи был большой комнатой на одном конце которой стоял его письменный стол, на другом — большой диван, где мы возлежали целой кучей. Возле дивана на столике стояла любимая металлическая игрушка Васи, устроенная в виде копилки. На ружьё французского пехотинца надо было положить монетку и надавить на носок его ноги. Ружьё выстреливало, и монета попадала в дупло дерева, в которое прицеливался пехотинец. В углу красовался огромный “фамильный” глобус Алёхиных — с выпуклыми материками и горными цепями. У окна стоял верстак, на котором Вася занимался выпиливанием. Основной чертой его характера была усидчивость и основательность: взявшись за какое-нибудь дело — латинский- ли язык или выпиливание, он занимался им основательно, доводя до совершенства. Так было и с выпиливанием, которое в то время было любимым домашним мастерством подростков. Другим любимым занятием Васи было собирание марок. И в этом деле он показал свою терпеливость и аккуратность: его филателистическая коллекция вскоре достигла почтенных размеров, и была очень интересна (для любителей, конечно!). В этой страсти к коллекционированию рано проявилась черта будущего ботаника-гербаризатора. Всем известно, что когда семя упадет на благодатную почву, оно даёт богатую жатву, когда на тошую — глохнет. Так случилось и с двумя кузенами, Васей и Ваней. Когда мне было 10 лет, а Васе — 13, моя мать подарила нам обоим по экземпляру известного определителя растений Маевского “Флора Средней России”. Не знаю, послужили этот подарок толчком, или попросту проявились врожденные наклонности, но только Вася заинтересовался определением растений и, пользуясь помощью дяди Алеши, научился определять и гербаризировать. К восьмому классу гимназии он составил себе недурной гербарий и отлично знал флору окрестностей Курска; в университет он явился почти готовым ботаником, что было сразу оценено проф. М. И. Голенкиным. Итак, научная карьера одного из столпов русской геоботаники, профессора В. В. Алёхина, началась с экземпляра определителя, подаренного ему тёткой.

Иная судьба постигла другой экземпляр той же книги, попавшей в руки другого кузена: он и до сих пор стоит на полке ботанических книг у профессора зоологии И. И. Пузанова, который едва-ли определил по нему и пять растений! Не знаю почему, определение растений, да еще по определителю Маевского мне сразу не понравилась (положим, мне было тогда не 13, а только 10 лет). Когда же я вошел в возраст, меня заинтересовали жучки и бабочки, а не цветочки.

Забравшись с ногами на Васин диван, мы часами вели беседы на разные темы: о событиях в гимназии, о чудачествах Володи Наумова (двоюродный брат Ивана Ивановича) или Михаила Александровича (муж старшей сестры матери Ивана Ивановича). В конце концов обязательно приходили девочки — Соня-Валя и маленькая Витя, волочившие с собою пушистого кота, любимца Васи. Затем начинался концерт: тонким фальцетом Вася затягивал какой-нибудь вальс — вроде “Дунайских волн” или марш “Под двуглавым орлом”. Я и девочки, фальшивя, подтягивали его. У Васи был недурной слух, но он почему-то упорно отказывался учиться музыке. Тщетно уговаривала его мать учить уроки фортепьянной игры, задаваемые ему приходившей учительницей музыки — у него всегда находилась отговорка: то некогда, то голова болит. В конце концов, на его занятия махнули рукой. К сожалению, эта история с обучением музыке роковым образом отразилась на мне: когда мою мать спрашивали, почему она не берёт мне учительницу музыки, она приводила пример Васи, и неизменно заключала: когда ребёнок не захочет учиться музыке, насильно его не заставишь! Почему-то она думала, что я упорно не захочу музицировать! Смее уверить читателя, что она ошибалась!

Приходя к Алёхиным по воскресениям, часто на целый день, я у них завтракал, обедал, пил чай, и у меня было свое особое место рядом с Васей и дядей Васей. Даже без гостей за столом было полно, так как в описываемое время с Алёхиными столовался дядя Аркаша, доживавшая свой век старушка-родственница — “тётя Веня”, которую любил дразнить и мистифицировать Вася. Обычно приходила и учительница девочек, Вера Александровна Россовская. Это была высокая темная блондинка, довольно некрасивая, но женщина большого ума и доброты. Мне до сих пор стыдно вспоминать как мы с Васей, катая её на полозьях, находили жестокое удовольствие, разогнавшись, сбрасывать её в сугроб, что она переносила с ангельским терпением. На склоне своих дней Вера Александровна сделалась уважаемым профессором математики Ленинградского Университета.

Я уже несколько раз говорил о больших ёлках, устраивавшихся Алёхиными 1-го января, в день именин 2-х Василиев. Ёлки эти заканчивались танцами Аниных подруг и их кавалеров. Однажды, когда старшая дочь стала барышней, был организован даже любительский спектакль, притом, на широкую ногу. В большом зале была сооружена всамделишная сцена, написаны и взяты на прокат декорации, приглашён гримёр. Я сейчас не помню, какая ставилась пьеса, ибо присутствовал только на репетиции. Помню только, что в качестве главного актера выступал бесподобный комик Леонид Наумов (двоюродный брат Ивана Ивановича). Правда, он не знал роли, но ведь для комика это не обязательно. В теплое время года было особенно приятно бывать у Алёхиных, ибо можно было играть в их саду: бегать на гигантских шагах, играть в крокет и кегли, а в конце лета — забираться в густой малинник или лакомиться янтарным крыжовником. Когда Аня стала невестой, иногда в саду собиралось шумное общество молодёжи — играли в горелки, прятки, пели песни.

Несмотря на сравнительно высокий культурный уровень Алёхиных, у них никогда не было постоянных гувернанток, немок или француженок и языкам этих детей обучали приходящие учительницы. Поэтому дети Алёхиных вышли, в общем, худшими язычниками, чем я и моя сестра, за исключением, впрочем, Маруси и Наташи, обучавшихся в институте благородных девиц, где французский язык, как заметил ещё Гоголь, наряду с хорошими манерами и рукоделием, издревле является краугольным камнем обучения.

ИВАН МИХАЙЛОВИЧ СЕЧЕНОВ (1829-1905)

Пузанов И. И.

К числу славных сынов Горьковской области принадлежал крупнейший ученый физиолог — Иван Михайлович Сеченов, родившийся в селе Теплый Стан 13 августа 1829 года, и проживший там безвыездно первые 14 лет своей жизни, и неоднократно навещавший свою родину уже в зрелые годы. И хотя в то время Теплый Стан, с соседними деревнями и не входил еще в территорию бывшей Нижегородской губернии, хотя род дворян Сеченовых происходил из Костромы, мы можем с полным правом считать Ивана Михайловича кровно связанным с территорией нашей области. Причем, не столько потому, что он сам родился 1829 г. в селе Теплый Стан, но и потому, что в жилах его течет кровь теплостанских крестьян и помещиков Сеченовых. Отец его Михаил Алексеевич Сеченов был выходцем из дворян Костромы, а мать, по словам самого Сеченова, была доброй, умной и как женщина много способствовала тому, что ее младший сын Иван, первоначально отданный отцом на обучение в Петербургское военно-инженерное училище, в последствии переменял карьеру офицера-сапера на карьеру ученого, более соответствовавшую его склонностям.

Биография Ивана Михайловича, как это часто бывает у людей, посвятивших свою жизнь науке, не отличалась сложностью. Вскоре после выхода из Военно-инженерного училища в чине прапорщика, Иван Михайлович подал в отставку, и поступил студентом на медицинский факультет Императорского Московского университета (ИМУ), который окончил в 1856 году. После этого он в течение трех с половиной лет продолжал свое специальное образование в Германии, работая в лабораториях таких корифеев науки, как физиологи: Иоганн Мюллер, Дюбуа Раймон и Людвиг, химии — Бунзена и физики — Гельмгольца. По его собственным словам больше всего он обязан достижениями в науке Людвигу и Гельмгольцу. По возвращении в 1860 году из-за границы, Иван Михайлович после защиты диссертации на степень доктора медицины занял кафедру физиологии в Императорской военно-медицинской академии Санкт-Петербурга, где проработал до 1870 года. А затем, уйдя из Академии, период 1871-1876 годов прожил в Одессе, занимая должность ординарного профессора по кафедре зоологии, сравнительной анатомии и физиологии в Императорском Новороссийском университете. После этого он снова возвратился в Петербург, где проработал в качестве ординарного профессора физиологии естественного отделения физико-математического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета. Кроме этого он являлся преподавателем Бестужевских высших женских курсов северной столицы до 1888 года. После чего он опять перевелся в Москву на медицинский факультет ИМУ. Здесь он и закончил свою преподавательскую карьеру, выйдя в 1900 году в отставку. В Москве Иван Михайлович и умер от пневмонии 2 ноября 1905 года, при первых раскатах грозы надвинувшейся революции 1905 года, которую он приветствовал лежа на смертном одре.

Чем объясняется такая непоседливость Сеченова, столь частые перекочевки из города в город, из одного высшего учебного заведения в другое? С одной стороны — объясняются они недоброжелательным, зачастую прямо подозрительным отношением к нему всякого начальства и жандармерии, видевших в Сеченове опасного материалиста-нигилиста, ниспровергателя религии и государственных устоев, с другой стороны — объясняются особенностями личного характера Ивана Михайловича. Недоброжелатели Сеченова, конечно, по-своему были правы: все его специальные научные работы были проникнуты духом материализма, без которого как известно нет истинной науки. Заслуги его в деле насаждения в нашей стране материалистической науки, материалистической физиологии — неизмеримо велики: не даром его называют отцом русской физиологии. В сущности, до Сеченова в России не было собственной физиологической экспериментальной школы. Диапазон научных исследований Сеченова чрезвычайно велик: докторская диссертация его посвящена вопросу физиологии и патологии алкогольного опьянения, много внимания он уделял химии крови, в частности роли красных кровяных телец в перенесении углекислоты, и законам поглощения углекислоты сывороткой крови, различными солевыми растворами и т. д. Изучал он и важную пищеварительную роль трипсина. Но наиболее велики его заслуги в области изучения физиологии нервных центров и органов чувств, так как он первым открыл электрические биотоки в спинном и головном мозгу, явление торможения спинномозговых рефлексов выше лежащими центрами головного мозга, изучал роль мышечного чувства восприятия пространства и времени. В его лаборатории было открыто изменение чувствительности одних органов чувств при одновременном

раздражении других. Чрезвычайно велики заслуги Сеченова в деле обогащения физиологии труда — новой научной дисциплины, имеющей колоссальное практическое значение. Словом, одних экспериментальных, чисто физиологических работ хватило бы не на одного, а на целый десяток заурядных исследователей. Но наша эпоха особенно чтит Сеченова за его теоретические исследования в области пограничной между физиологией и психологией, последней наукой он давно интересовался. Так в своем основном сочинении “Рефлексы головного мозга”, написанном еще во цвете лет, в бытность профессором столичной Военно-медицинской академии, а затем — в ряде популярных статей, например, “Кому и как разрабатывать психологию”, “Элементы мысли” и т. д. Сеченов с гениальной прозорливостью сделал первую в мировой науке попытку разложить сложную мыслительную работу мозга человека и высших животных на ряд элементарных рефлексов. Из этой попытки уже почти в наши дни выросло гениальное учение академика Ивана Петровича Павлова об условных рефлексах. Следует заметить, что и сам Иван Петрович не однократно называет себя идейным последователем Сеченова. Но именно эта сторона работ и навлекла на Сеченова не только всех религиозных ханжей царской России, но и их философов, ученых идеалистического направления, вроде Кавелина, которые не могли не видеть в смелом ученом-материалисте “опасного ниспровергателя основ”. Вот почему Сеченов как истинный 60-ник в лучшем смысле этого слова, отличавшийся всегда крайней принципиальностью и стойкостью характера часто входил в контры с начальством и никогда, поэтому не встречал препятствий к переходу из одного высшего учебного в другое.

Значение Сеченова для развития русской физиологии не ограничиваются его личными исследованиями. Из его школы в Петербурге, Москве и Одессе вышел ряд крупных физиологов, продолжавших развивать его научные идеи. Среди них следует назвать профессоров: Введенского, Тарханова, Самойлова, Спиро, Веригу, Шатерникова и многих других. Как истинный демократ, Сеченов не замыкался в своей специальности, а всегда охотно нес свои знания в массы народа: он был активным поборником высшего женского образования, читал лекции и на Петербургских Бестужевских, и на Московских высших женских курсах. Он оставил после себя ряд блестяще, необычайно просто и образно написанных популярных статей. Его общедоступные физиологические очерки смело могут быть поставлены рядом с “Жизнью растения” Климента Аркадьевича Тимирязева. Когда уже в возрасте 71 года, Сеченов вышел по своему собственному почину в отставку, он мотивировал это тем, что старики должны давать дорогу молодым, считая по своей крайней требовательности и мнительности, что он уже якобы отстал для преподавания в университете. Сеченов, однако, с юношеским рвением отдался чтению лекций на Московских Пречистенских курсах для рабочих — этого прообраза Народного университета. Однако, недремлющее око начальства увидело в этом опасность для умов московских рабочих, и за год до его смерти запретило Сеченову преподавание на Пречистенских курсах. Так царская Россия оценила заслуги славного ученого с мировым именем!

Тихий конец одинокого, почти забытого старика, у которого отняли единственное оставшееся ему утешение в жизни — нести просвещение в народные массы, с тем вниманием и помощью со стороны Советского правительства, которым были окружены последние годы жизни и самая кончина великого продолжателя Сеченова — И. П. Павлова, то получается разительный контраст, который, как говорится, не нуждается в комментариях. В ознаменование 40-летия со дня смерти гениального русского ученого Областной Исполнительный комитет Областного совета ходатайствовал об увековечении памяти великого ученого путем переименования его родного села Теплый Стан в Сеченово. Ответом на это ходатайство явился указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 24 ноября 1945 года: “Удовлетворить ходатайство исполнительного комитета Горьковского Областного Совета депутатов трудящихся о переименовании районного центра Теплостанского района — селения Теплый Стан, где родился великий русский физиолог И. М. Сеченов в селение Сеченово, и Теплостанский район в Сеченовский район”. Его подписали Н. Шверник, П. Бахмутов. Этим постановлением Советское правительство воздало нашему великому земляку те почести, которые он не получил, да и не мог получить при жизни в царской России.